

среди описываемой «рухляди» имелись и образа Спаса и Николая чудотворца, отданные, по распоряжению М. В. Скопина-Шуйского, софийскому протопопу Амосу, по словам которого М. И. Татищев «был ему сын духовной, и те де образы приказал ему при себе по своей душе и по своих родителех».

Был допрошен и протопоп Амос. По его словам, М. В. Скопин-Шуйский дал ему оба образа, «поедучи из Новагорода», а затем прислал ему с дороги, из Александровой слободы, записку, в которой требовал возвращения образов, и протопоп «те образы послал к нему с человеком своим с Феткою».

По ознакомлении с «грамотой» М. В. Скопина-Шуйского протопопу Амосу воевода И. Н. Большой Одоевский и дьяки установили, что там содержалась просьба о присылке «рухляди». Поэтому они выразили сомнения, действительно ли имелись в виду в письме Скопина образа: «и в той грамоте про те образы не объявилось ничево, а написано в грамоте о рухляди, и толко б те образы были посланы к боярину ко князю Михайлу Васильевичу, и о тех бы образех отписано было имянно, потому что то вещи царственные, а не простое дело и не рухлядь».

По предписанию воеводы и дьяков на дворе протопопа Амоса, в присутствии торговых людей и уличных старост, был произведен обыск, во время которого обнаружены образа Спаса и Николая чудотворца. После этого протопоп Амос заявил: «в том он виноват, что он в тех образех записался сперва, про те образы не сказал правды, а не сказал деи потому, что хотел те образы вести к Москве ко государю, ково нам государя бог пожалует».

Согласно приговору, вынесенному по делу дьяка Ивана Тимофеева и протопопа Амоса, они были признаны виновными в утайке образов. В частности, Тимофеев обвинялся в том, что при переписи имущества М. И. Татищева «он гостю Степану Иголкину и торговым людем тех образов не показывал, а сказал, что тех образов смотрити ненадобно, те де образы царственные вещи, и показать де их не уметь». В приговоре высказывалось недоверие к утверждению Тимофеева о том, что он отдал образа протопопу Амосу по распоряжению М. В. Скопина-Шуйского, так как «пометы боярина князя Михайла Васильевича о тех образех об отдаче не сыскано, а боярин князь Михайло Васильевич и не в таких великих делах на челобитных помечал своею рукою». Было решено доправить на И. Тимофеева и протопопе Амосе «против тех образов цены по сту по семидесят по три рубли и по дватцати по пяти алтын». Дьяк и протопоп были даны «на крепкие поруки з записми, что им в тех пенных денгах ставитца на правезе», а образы решили «поставити в церкви в Софеи премудрости божи до указу».³³

В рассмотренном деле очень много интересного. Оно свидетельствует о близости М. В. Скопина-Шуйского к Тимофееву и протопопу Амосу. Не случайно через Тимофеева Скопин передает образа протопопу, а затем уже, уехав из Новгорода к Москве, осведомляет Амоса о себе и о своих делах. «Грамота» Скопина Амосу 1610 г. написана в дружественном, интимном тоне: «Господину протопопу Амосу Ивановичю Михайло Шуйской челом бьет. Пожалуй, господине, вели ко мне писати о своем здоровье, как тебя бог милует. А похочешь ведати про меня, и я в Олександровской слободе ноябр» по 21 день жив. Да что ты, господине, прислал ко мне мои рухляди с Онтоном с Выповским, и ту мою рухлядь Онтон ко мне привез всю сполна. А я тебе, господину своему, челом бью». Через Амоса, ве-

³³ Стокгольмский государственный архив, Новгородский фонд, стлб. 202.